

Роль локальной идентичности и воспринимаемого контекста в психологическом благополучии русских Эстонии

А.В. Трифонова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8780-7859>, e-mail: avtrifonova@hse.ru

В статье анализируется взаимосвязь локальной идентичности и воспринимаемой инклюзивности контекста с психологическим благополучием русских в Эстонии ($N = 309$; $M = 37,46$; $SD = 16,56$). В качестве индикаторов инклюзивности контекста рассматриваются воспринимаемая дискриминация и воспринимаемый мультикультурализм, в качестве показателей психологического благополучия — самоуважение и удовлетворенность жизнью. В анкету исследования вошли шкалы из опросника MIRIPS, переведенные и адаптированные для использования в России Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко; шкала дескриптивных мультикультурных установок, разработанная сотрудниками ЦСКИ НИУ ВШЭ; шкала локальной идентичности Дроселтис и Вигнолес. Результаты структурного моделирования показывают, что локальная идентичность значимо позитивно связана с воспринимаемой инклюзивностью контекста. Воспринимаемая инклюзивность контекста положительно связана с самоуважением и удовлетворенностью жизнью. Индикаторы воспринимаемой инклюзивности контекста медируют взаимосвязь между локальной идентичностью и психологическим благополучием. Нами был также обнаружен прямой позитивный эффект локальной идентичности на удовлетворенность жизнью. Таким образом, локальная идентичность выполняет адаптивную функцию, способствуя более позитивному восприятию контекста аккультурации и повышая психологическое благополучие.

Ключевые слова: локальная идентичность, воспринимаемая инклюзивность контекста аккультурации, психологическое благополучие, русские, Эстония.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 20-18-00268.

Для цитаты: Трифонова А.В. Роль локальной идентичности и воспринимаемого контекста в психологическом благополучии русских Эстонии // Культурно-историческая психология. 2021. Том 17. № 4. С. 83–91. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170409>

Role of Local Identity and Perceived Context in Psychological Well-Being of Russians in Estonia

Anastasia V. Trifonova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8780-7859>, e-mail: avtrifonova@hse.ru

The present article focuses on the relationship between local identity, perceived inclusiveness of the sociocultural context and psychological well-being of the Russians in Estonia ($N = 309$; $M = 37,46$; $SD = 16,56$). Perceived discrimination and perceived multiculturalism are considered as indicators of inclusiveness of the context, and self-esteem and life satisfaction as indicators of psychological well-being. We used the scales from the MIRIPS questionnaire translated and adapted for Russia by N.M. Lebedeva and A.N. Tatarko, the scale of descriptive multicultural attitudes developed in the Center for Sociocultural Research of the HSE University, and the local identity scale of Droseltis and Vignoles. The results of struc-

tural equation modeling show that local identity significantly positively relates to perceived inclusiveness of the sociocultural context. Perceived inclusiveness of the context is positively related to self-esteem and life satisfaction. Indicators of perceived inclusiveness of the context mediate the relationship between local identity and psychological well-being. The study revealed direct positive effect of local identity on life satisfaction. Thus, local identity fulfills an adaptive function, contributing to a more positive perception of the context of acculturation and increasing psychological well-being.

Keywords: local identity, perceived inclusiveness of the acculturation context, psychological well-being, Russians, Estonia.

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 20-18-00268.

For citation: Trifonova A.V. Role of Local Identity and Perceived Context in Psychological Well-Being of Russians in Estonia. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2021. Vol. 17, no. 4, pp. 83–91. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170409> (In Russ.).

Введение

Резкие глобальные перемены, связанные с распадом СССР, оказали серьезное влияние на социальную идентификацию и психологическое благополучие русских в бывших советских республиках. Характерным явлением раннего постсоветского периода стал кризис социальной идентичности, затронувший как этнический, так и гражданский компоненты их самовосприятия. Одной из психологических стратегий преодоления этого кризиса стало сближение с принимающей страной и формирование локальной идентичности, позволяющей чувствовать себя «на своем месте» и обеспечивающей восприятие страны проживания в качестве «настоящей» Родины [1]. В отличие от гражданской идентичности, на формирование которой значительное влияние оказывают особенности государственной политики в отношении меньшинств, локальная идентичность представляется идеологически более нейтральным и в психологическом плане более «безопасным» способом сохранения позитивной самобытности [4]. Для тех представителей русского этнического меньшинства, кто демонстрирует слабые или амбивалентные связи как со страной проживания, так и с исторической родиной, локальная идентичность может выступать в качестве альтернативы этнической и гражданской идентичностей, позволяя сохранить позитивное самовосприятие [27]. По мнению экспертов, именно локальная идентичность может играть ключевую роль в адаптации русских к изменившимся условиям бывших советских республик — прежде всего там, где особенности социокультурного контекста затрудняют формирование гражданской и сохранение этнической идентичностей. Компенсируя то гражданский, то этнический компонент социальной идентичности, локальная идентичность может оказывать положительное влияние на психологическое благополучие представителей русского этнического меньшинства и способствовать их успешной интеграции в принимающее общество [4].

Целью настоящего исследования стало изучение роли локальной идентичности в психологическом благополучии русских в Эстонии: способствует ли вы-

раженность локальной идентичности русских Эстонии их удовлетворенности жизнью? Какова роль воспринимаемого контекста во взаимосвязи локальной идентичности и психологического благополучия?

Социокультурный контекст исследования

После распада Советского Союза многие русские жители Эстонии приняли решение не возвращаться в Россию. Для многих из них Эстония стала родным домом, и они не были готовы покинуть его ради возвращения на историческую родину. Более того, за годы жизни в Эстонии многие из них заметно дистанцировались от русских, живущих в других странах постсоветского пространства. Еще в советский период многие русские жители Эстонии, Латвии и Литвы ощущали себя «балтийскими» русскими — по своим ценностям, образу жизни, поведенческим паттернам значительно отличающимися от русских, живущих в других республиках Советского Союза [28]. Важную роль в этом играла субъективно воспринимаемая близость к Западу и западной культуре [7]. Масштабные трансформации, связанные с распадом СССР, в значительной степени усилили это ощущение инаковости среди русских в Эстонии. Результаты эмпирических исследований показывают, что представители русской диаспоры в большей мере испытывают чувство общности с другими русскими, проживающими в Эстонии, и с представителями титульной нации, нежели с русскими в России [13; 28].

Таким образом, мы можем говорить о локализации этнической самоидентификации русских в Эстонии. В целом, исследования показывают, что локальная идентичность занимает важное место в самосознании русских жителей этой страны. Отвечая на вопрос о группах, с которыми они себя идентифицируют, 84% русских выбрали категорию «жителей Эстонии». Для сравнения, гражданами Эстонской республики определено ощущают себя 48% опрошенных [27].

Неготовность идентифицировать себя с гражданами Эстонии у некоторых представителей русской

диаспоры может быть обусловлена особенностями этнической политики эстонского государства. Драматические изменения этнического состава населения Эстонии, произошедшие в советские годы, предопределили стратегию нациестроительства в независимой республике [25]. Восприятие иноэтнического населения в качестве источника экзистенциальной угрозы подталкивало представителей этнического большинства к выбору доктрины этнической и языковой однородности, исключавшей из состава нации не-эстонцев [6]. После распада СССР гражданство Эстонии автоматически получили лишь около 120 тыс. русских (около 25%), чьи предки были гражданами первой Эстонской республики 1918–1940 гг. Все остальные русские жители страны для получения статуса гражданина должны были проходить процесс натурализации [26]. Эстонский язык объявлялся единственным официальным языком республики, а русский фактически приравнивался к иностранному [15]. Многие русские жители Эстонии считали этническую политику эстонского государства несправедливой и дискриминирующей. Зачастую это проявлялось в делегитимизации государственной политики в области межэтнических отношений со стороны представителей русской диаспоры [18].

Таким образом, мы можем предположить, что среди русских жителей Эстонии локальная идентичность выполняет компенсаторную функцию, позволяя русским чувствовать себя частью эстонского общества даже при отсутствии возможности или готовности идентифицировать себя с гражданами Эстонии.

Теоретические основы исследования

В своем исследовании мы опирались на теорию социальной идентичности, согласно которой восприятие себя в качестве члена той или иной социальной группы оказывает влияние на процессы социального познания и определяет социальное самочувствие индивида [22].

Локальная идентичность представляет собой компонент социальной идентичности, связанный с принадлежностью к определенной территориальной общности [20]. В отличие от гражданской идентичности, зачастую имеющей идеологическую окраску и связанной с отношением к государству в целом, локальная идентичность связана с «чувством родины», «дома» и идеологически более нейтральна. Она позволяет человеку чувствовать себя комфортно, на «своем месте», будучи самим собой [9]. Исследования показывают, что локальная идентичность имеет важное значение для психологического благополучия. Так, среди русских в Латвии и Грузии были выявлены прямые положительные эффекты локальной идентичности на удовлетворенность жизнью и самоуважение [4]. Другое исследование показало, что локальная идентичность положительно связана с удовлетворенностью жизнью у молодых русских в Латвии и крымских татар, но не связана с само-

уважением [16]. В большинстве своем результаты исследований показывают, что среди мигрантов и этнических меньшинств идентификация со страной проживания, в отличие от идентификации со своей этнической группой, напрямую не связана с самоуважением [24]. Исходя из этого, в нашем исследовании мы сосредоточились на индикаторе психологического благополучия, наиболее тесно связанным с локальной идентичностью, — удовлетворенности жизнью, — и выдвинули нашу первую гипотезу:

Гипотеза 1. Выраженность локальной идентичности у представителей русского этнического меньшинства в Эстонии положительно связана с их удовлетворенностью жизнью.

Психологическое благополучие участников межэтнического взаимодействия в значительной степени может быть обусловлено воспринимаемыми особенностями социокультурного контекста [19; 21]. Воспринимаемая инклюзивность принимающего общества может выступать в качестве важного предиктора успешности психологической адаптации мигрантов и этнических меньшинств [3]. В то же время восприятие социального контекста как «закрытого», враждебного и дискриминационного может иметь негативные последствия для психологического благополучия участников процесса аккультурации [21].

Одним из индикаторов инклюзивности контекста может выступать воспринимаемый мультикультурализм, т. е. воспринимаемая степень ориентированности принимающего общества на культурное многообразие. По мнению экспертов, важную роль здесь играет не только наличие в обществе разных этнокультурных групп, но и распространенность в нем мультикультурных идеологий и практик. Результаты эмпирических исследований показывают, что воспринимаемый мультикультурализм может быть предиктором успешности психологической адаптации мигрантов к инокультурной среде. Так, исследование, проведенное среди корейцев, проживающих в Новой Зеландии, показывает, что психологическое благополучие мигрантов тем выше, чем более мультикультурным ощущается принимающее общество в плане преобладающих идеологий и практик [29].

В качестве одного из индикаторов «закрытости» принимающего общества выступает воспринимаемая дискриминация [3]. Воспринимаемая дискриминация осложняет процесс психологической адаптации мигрантов и этнических меньшинств, оказывая негативное влияние на их психологическое благополучие [8]. Например, у русских жителей Эстонии высокий уровень воспринимаемой дискриминации связан с более низким уровнем удовлетворенности жизнью [19]. Принимая во внимание результаты предыдущих исследований, мы выдвинули нашу вторую гипотезу:

Гипотеза 2. Воспринимаемый мультикультурализм положительно, а воспринимаемая дискриминация отрицательно связаны с удовлетворенностью жизнью и самоуважением русских в Эстонии.

Субъективное восприятие особенностей контекста аккультурации в значительной степени определяется социальной идентичностью индивида [23]. Например,

воспринимаемая дискриминация во многом зависит от степени идентификации человека с интропией: чем выше выраженность идентичности, тем выше чувствительность к проявлениям межгруппового неравенства [11]. Так, представители русской диаспоры Эстонии с ярко выраженной этнической идентичностью более склонны воспринимать окружающую их действительность как несправедливую, что негативно сказывается на их психологическом благополучии [19]. В то же время идентификация с принимающим обществом может играть компенсаторную роль в психологической адаптации мигрантов и этнических меньшинств. Исследования показывают, что гражданская идентичность негативно связана с воспринимаемой дискриминацией [14]. Таким образом, разные виды социальной идентичности могут рассматриваться в качестве «линз», через призму которых оцениваются окружающая действительность и межгрупповые отношения [11]. Учитывая, что локальная идентичность зачастую выполняет компенсаторную функцию, способствуя успешной адаптации индивида к инокультурной среде [4], мы выдвинули нашу третью гипотезу.

Гипотеза 3. Выраженность локальной идентичности положительно взаимосвязана с воспринимаемым мультикультурализмом и отрицательно взаимосвязана с воспринимаемой дискриминацией.

Также мы сформулировали наши **исследовательские вопросы:**

Исследовательский вопрос 1. Как связана локальная идентичность с другими видами социальной идентичности у русских в Эстонии? Постановка этого вопроса обусловлена коренными изменениями в идентификационных матрицах жителей стран постсоветского пространства после распада СССР и различиями векторов цивилизационного развития стран разных регионов.

Исследовательский вопрос 2. Какова роль воспринимаемого контекста во взаимосвязи локальной идентичности и психологического благополучия?

Метод

Выборка

В социально-психологическом опросе приняли участие 309 русских, проживающих в Эстонии, в возрасте от 18 до 75 лет ($M = 37,46$; $SD = 16,56$), 52,1% — женщины.

Инструментарий

Локальная идентичность. Мы использовали 4 утверждения из шкалы Идентичности с местом [10], например: «Здесь я чувствую себя дома».

Этническая идентичность [2]. Шкала включала в себя 4 утверждения, например: «Я считаю себя русским».

Гражданская идентичность [2]. Шкала включала в себя 4 утверждения, например: «Я считаю себя гражданином Эстонии».

Религиозная идентичность. Мы использовали шкалу, состоящую из 4 утверждений, например: «Моя религиозная принадлежность — важная часть меня».

Советская идентичность. Была использована шкала, состоящая из 4 утверждений, например: «Я считаю себя советским человеком».

Европейская идентичность. Мы использовали шкалу, состоящую из 4 утверждений, например: «Я считаю себя европейцем».

Воспринимаемая дискриминация [2]. Шкала включала в себя 5 утверждений, например: «Меня не принимали на работу из-за моей национальности».

Воспринимаемый мультикультурализм. Мы использовали шкалу, состоящую из 8 утверждений, например: «В Эстонии отношение к людям не зависит от их этнической принадлежности».

Самоуважение. Шкала включала в себя 4 утверждения, например: «В целом, я удовлетворен собой» [2].

Удовлетворенность жизнью. Мы использовали шкалу, включающую 4 утверждения, например: «Во многом, моя жизнь близка к идеалу» [2].

Для ответов респонденты использовали 5-балльную шкалу Ликерта от 1 — «Полностью не согласен», до 5 — «Полностью согласен».

Результаты

В табл. 1 представлены средние значения и коэффициенты α -Кронбаха для всех исследуемых переменных.

Результаты анализа средних значений показывают, что у всех социальных идентичностей, кроме советской, средние показатели выше срединного значения шкалы (2,5), при этом локальная идентичность занимает второе место по выраженности после этнической идентичности, наряду с гражданской и европейской идентичностями (табл. 1). Парное сравнение переменных с помощью t -теста для спаренных выборок показало, что выраженность локальной идентичности значимо ниже выраженности этнической идентичности ($t(308) = -3,01$; $p = 0,00$) и значимо выше выраженности советской ($t(307) = 16,46$; $p = 0,00$) и религиозной идентичности ($t(307) = 11,71$; $p = 0,00$). Различия в степени выраженности локальной, гражданской и европейской идентичностей статистически незначимы.

Отвечая на наш первый исследовательский вопрос о взаимосвязи локальной идентичности с другими видами социальной идентичности, мы выявили значимые положительные корреляции локальной идентичности с гражданской (эстонской) и европейской идентичностями (табл. 2). Отличительной особенностью локальной идентичности является отсутствие статистически значимых связей с советской идентичностью: в то время как гражданская и европейская идентичность негативно, а этническая и религиозная идентичности позитивно связаны с советской идентичностью, локальная идентичность выступает в роли нейтрального конструкта, демонстрируя отсутствие статистически значимой взаимосвязи с советской составляющей в самоидентификации русских Эстонии.

Таблица 1

Средние значения и коэффициенты α -Кронбаха

№	Переменные	M	SD	α
Идентичности				
1	Локальная	3,78	0,91	0,85
2	Этническая	4,01	1,01	0,91
3	Гражданская	3,73	0,99	0,88
4	Религиозная	2,73	1,38	0,96
5	Советская	2,25	1,29	0,96
6	Европейская	3,71	1,01	0,93
Воспринимаемый контекст				
7	Дискриминация	1,83	0,82	0,78
8	Мультикультурализм	3,14	0,59	0,77
Психологическое благополучие				
9	Самоуважение	4,08	0,58	0,81
10	Удовлетворенность жизнью	3,34	0,81	0,80

Таблица 2

Взаимосвязи между разными видами социальных идентичностей

№	Идентичность	1	2	3	4	5	6
1	Локальная	1					
2	Этническая	0,06	1				
3	Гражданская	0,55**	0,11	1			
4	Религиозная	0,11	0,40**	0,20**	1		
5	Советская	-0,07	0,38**	-0,12*	0,32**	1	
6	Европейская	0,26**	-0,06	0,42**	0,00	-0,24**	1

Далее, с помощью моделирования структурными уравнениями, мы проанализировали взаимосвязи между локальной идентичностью, особенностями воспринимаемого контекста и психологическим благополучием. Модель (рис. 1) продемонстрировала хорошие показатели пригодности: $\chi^2/df = 0,46$; CFI=1,00; SRMR=0,01; RMSEA=0,00; PCLOSE=0,64.

Как показали результаты, выраженность локальной идентичности значимо положительно связана с удовлетворенностью жизнью. Таким образом, наша первая гипотеза подтвердилась.

Проверяя нашу вторую гипотезу, мы выявили, что у русских в Эстонии воспринимаемая дискриминация значимо отрицательно, а воспринимаемый

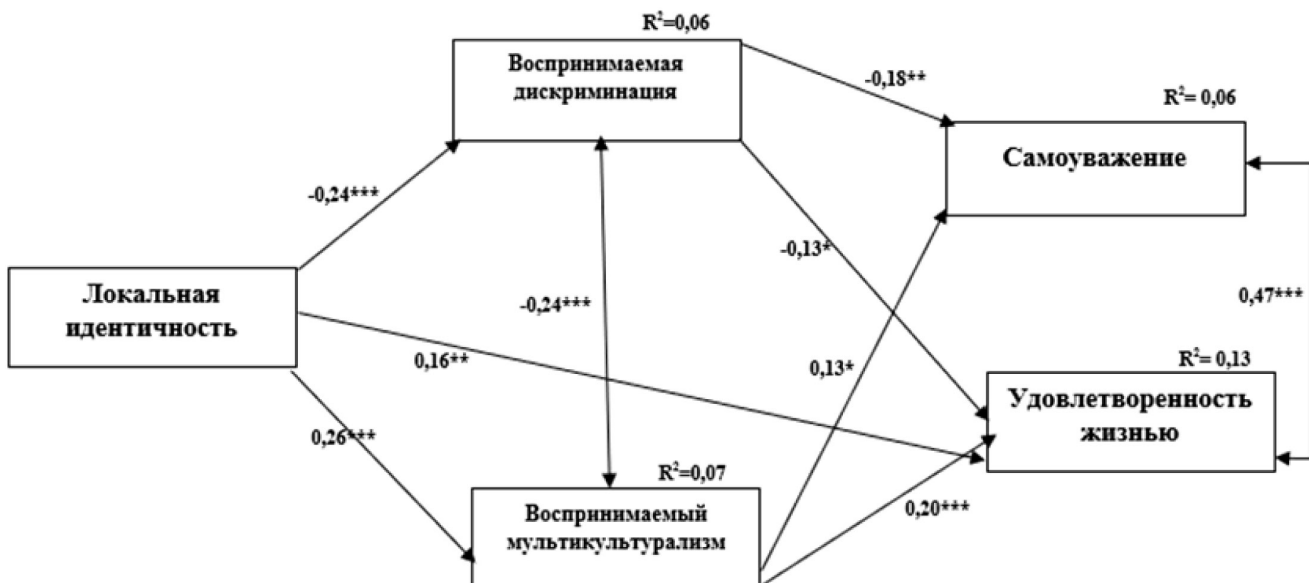

Рис. 1. Путевая модель взаимосвязи локальной идентичности, воспринимаемого контекста и психологического благополучия у представителей русского этнического меньшинства в Эстонии: «*» – $p < 0,05$; «**» – $p < 0,01$; «***» – $p < 0,001$

мультикультурализм значимо положительно связан с самоуважением и удовлетворенностью жизнью. Таким образом, вторая наша гипотеза была полностью подтверждена.

Для тестирования нашей третьей гипотезы мы проанализировали взаимосвязь между локальной идентичностью и индикаторами воспринимаемого социокультурного контекста. Полученные результаты (рис. 1) показывают, что локальная идентичность значимо положительно связана с воспринимаемым мультикультурализмом и значимо отрицательно — с воспринимаемой дискриминацией. Таким образом, наша третья гипотеза полностью подтвердилась.

Для ответа на наш исследовательский вопрос о роли воспринимаемого контекста во взаимосвязи между локальной идентичностью и психологическим благополучием был проведен медиационный анализ. Полученные результаты свидетельствуют о наличии значимого позитивного непрямого эффекта локальной идентичности на удовлетворенность жизнью через воспринимаемую дискриминацию ($\beta = 0,03$; 95% CI: [0,004; 0,06]) и воспринимаемый мультикультурализм ($\beta = 0,05$; 95% CI: 0,02; 0,09). Мы также выявили значимый позитивный непрямо́й эффект локальной идентичности на самоуважение через воспринимаемую дискриминацию ($\beta = 0,03$; 95% CI: [0,007; 0,05]) и воспринимаемый мультикультурализм ($\beta = 0,02$; 95% CI: 0,001; 0,04).

Обсуждение результатов и выводы

Результаты проведенного исследования показывают, что локальная идентичность играет важную роль в самосознании представителей русской диаспоры в Эстонии, занимая второе место по выраженности после этнической идентичности, наряду с гражданской и европейской идентичностями. В целом, полученные результаты подтверждают данные предыдущих исследований, демонстрирующих значимость локального компонента в самоидентификации русских Эстонии [17; 27].

Анализ структуры множественной социальной идентичности у русских в Эстонии показывает, что локальная идентичность значимо положительно связана с гражданской и европейской идентичностями. Таким образом, в самосознании русских Эстонии локальная составляющая тесно связана с чувством принадлежности к эстонскому и европейскому культурному пространству. Еще в советские годы Эстония в глазах многих жителей Советского Союза была «русской» Европой, ассоциируясь с западными ценностями и образом жизни [13]. Исследования свидетельствуют о высокой привлекательности эстонской культуры, образа жизни, национального характера для представителей русской диаспоры [7; 13]. По мнению экспертов, это позволяет говорить о возникновении субкультуры «европейских русских», в самосознании которых локальная идентичность жителей Эстонии тесно переплетается с ощущением себя европейцами [5; 7]. Положительная взаимосвязь

с гражданской идентичностью свидетельствует об адаптивной функции локальной идентичности. По мнению экспертов, рост значимости локальной компоненты в самосознании русских жителей Эстонии может способствовать усилению чувства солидарности с эстонцами и росту социальной сплоченности, подкрепляя гражданскую идентичность [17].

В отличие от гражданской и европейской идентичностей, негативно связанных с советской идентичностью, локальная идентичность предстает идеологически более нейтральным конструктом, позволяющим русским в Эстонии чувствовать себя частью эстонского общества и европейской культуры, не испытывая при этом конфликта с советским прошлым. Отличаясь большей идеологической нейтральностью, локальная идентичность выступает в качестве психологически безопасной альтернативы гражданской идентичности, формирование которой у многих представителей русской диаспоры может затрудняться из-за неоднозначной этнической политики эстонского государства и разности взглядов на исторические события XX века. По мнению экспертов, разное отношение к советскому прошлому у русских и эстонцев затрудняет интеграцию представителей русской общины в эстонское общество [19]. Русские, живущие в Эстонии, как правило, разделяют «русский взгляд» на историю Второй мировой войны, согласно которому советские войска освободили Эстонию и другие страны Балтии от фашистов [19]. В противоположность советской исторической традиции, эстонская интерпретация прошлого рассматривает военные и дипломатические действия СССР в 40-х гг. XX века как агрессию, оккупацию и незаконную аннексию [25]. В коллективной памяти эстонцев эти события ассоциируются с потерей независимости, ужасами сталинского террора, депортацией. Эксперты отмечают, что выбор идентификационной стратегии у участников процесса аккультурации зачастую зависит от выбора исторического нарратива, разделяемого членами ин- или аутгруппы [12]. В этом плане локальная идентичность, будучи идеологически нейтральной, представляется спасительной альтернативной, позволяющей русским жителям Эстонии избежать конфликта между советским прошлым и европейским настоящим.

Об адаптивной функции локального компонента в самоидентификации русских в Эстонии свидетельствует и положительная взаимосвязь между локальной идентичностью и психологическим благополучием. Так, нами была выявлена значимая положительная взаимосвязь локальной идентичности с удовлетворенностью жизнью, что согласуется с результатами предыдущих исследований в постсоветских странах [4; 16].

Также результаты проведенного нами исследования позволили выявить взаимосвязь между воспринимаемой инклюзивностью контекста аккультурации и психологическим благополучием русских в Эстонии. Так, воспринимаемая дискриминация значимо отрицательно, а воспринимаемый мультикультурализм значимо положительно связаны с

удовлетворенностью жизнью и самоуважением среди представителей русского этнического меньшинства. Таким образом, воспринимаемая открытость принимающего общества, его ориентация на мультикультурализм и равноправие представленных в нем этнических групп способствуют успешности психологической адаптации русских в Эстонии, в то время как субъективно ощущаемые «закрытость» эстонского общества, межгрупповое неравенство, дискриминация создают неблагоприятный аккультурационный климат, затрудняя психологическую адаптацию. Полученные результаты согласуются с данными предыдущих исследований, свидетельствующих о позитивной роли воспринимаемой инклюзивности контекста в психологической адаптации мигрантов и меньшинств [3].

Наша гипотеза о взаимосвязи локальной идентичности и воспринимаемого контекста полностью подтвердилась. Выраженность локальной идентичности была положительно связана с воспринимаемым мультикультурализмом и отрицательно — с воспринимаемой дискриминацией. Полученные результаты подтверждают данные предыдущих исследований, показывающих, что социальная идентичность влияет на восприятие и интерпретацию окружающей действительности [14; 23]. В зависимости от значимости для него той или иной групповой принадлежности человек по-разному интерпретирует окружающую его действительность, в особенности амбивалентные, неоднозначные ситуации [11]. В отличие от этнической идентичности, повышающей ощущение нелегитимности социального устройства у русских в Эстонии [19], локальная идентичность, дающая чувство родины, «дома», способствует более позитивному восприятию контекста межгрупповых отношений. Чем более выражена локальная идентичность, тем более открытым воспринимает человек эстонское общество, реже замечая дискриминацию и чаще признаки мультикультурализма.

Полученные нами результаты указывают на наличие непрямого позитивного эффекта локальной идентичности на удовлетворенность жизнью и самоуважение через воспринимаемую дискриминацию

и мультикультурализм. Повышая воспринимаемую открытость, инклюзивность и снижая воспринимаемую «закрытость» принимающего общества, локальная идентичность способствует психологическому благополучию русских в Эстонии. В этом плане локальная идентичность отличается большей адаптивностью по сравнению с этнической идентичностью, оказывающей непрямо негативное влияние на удовлетворенность жизнью русских в Эстонии через воспринимаемую нелегитимность социального устройства, и по сравнению с гражданской идентичностью, не имеющей значимых связей с воспринимаемым контекстом и психологическим благополучием [19].

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие **выводы**.

- Локальная идентичность занимает важное место в самосознании русских в Эстонии наряду с этнической, гражданской и европейской идентичностями.
- Выступая в качестве идеологически нейтрального конструкта, локальная идентичность выполняет адаптивную функцию, способствуя более позитивному восприятию контекста аккультурации.
- Локальная идентичность положительно связана с удовлетворенностью жизнью.
- Локальная идентичность оказывает не прямой положительный эффект на удовлетворенность жизнью и самоуважение русских в Эстонии, снижая воспринимаемую дискриминацию и повышая воспринимаемый мультикультурализм.

Заключение

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют говорить об адаптивной роли локальной идентичности среди русских в Эстонии. Выступая в качестве идеологически нейтральной альтернативы гражданской идентичности, она дает некую точку опоры, чувство «дома», безопасности, общности с представителями титульной нации, что позволяет компенсировать возможное негативное влияние контекста и способствует психологическому благополучию русского этнического меньшинства в Эстонии.

Литература

1. Лебедева Н.М. Русские в странах ближнего зарубежья: социально-психологический анализ // Вестник Российской академии наук. 1998. Том 68. № 4. С. 296–305.
2. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и принимающего населения России. М.: РУДН, 2009. 420 с.
3. Лепшокова З.Х. Воспринимаемая инклюзивность социального контекста, аккультурация и адаптация мигрантов из Северного Кавказа в Москве // Общественные науки и современность. 2020. № 3. С. 124–138.
4. Рябиченко Т.А., Лебедева Н.М., Плотка И.Д. Множественные идентичности, аккультурация и адаптация русских в Латвии и Грузии // Культурно-историческая психология. 2019. Том 15. № 2. С. 54–64. DOI:10.17759/chp.2019150206

References

1. Lebedeva N.M. Russkie v stranakh blizhnego zarubezh'ya: sotsial'no-psikhologicheskii analiz [Russians in the countries of the near abroad: socio-psychological analysis] *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 1998. Vol. 68, no. 4, pp. 296–305. (In Russ.).
2. Lebedeva N.M., Tatarko A.N. Strategii mezhkulturnogo vzaimodeistviya migrantov i primimayushchego naseleniya Rossii [Strategies of intercultural interaction between migrants and the host population of Russia]. Moscow. Publ. RUDN, 2009. 420 p. (In Russ.).
3. Lepshokova Z.Kh. Vosprinimaemaya inkluzivnost' sotsial'nogo konteksta, akkul'turatsiya i adaptatsiya migrantov iz Severnogo Kavkaza v Moskve [Perceived inclusiveness of the social context, acculturation and adaptation of migrants from the North Caucasus in Moscow]. *Obshchestvennye nauki*

5. Симомян Р. Х. Новый балтийский субэтнос — «еврорусские» // Социология власти. 2004. Том 2. С. 59–76.
6. Тишков В.А., Степанов В.В. Европейские меньшинства и политизированные мифы в балтийском контексте // Этническая политика в странах Балтии / Под ред. В.В. Полещук, В.В. Степанова. М.: Наука, 2013. С. 9–23.
7. Фурман Д., Задорожнюк Э. Притяжение Балтии. Балтийские русские и балтийские культуры // Мир России. Социология. Этнология. 2004. № 3. С. 98–130.
8. Berry J.W., Hou F. Immigrant acculturation and wellbeing in Canada // Canadian Psychology. 2016. Vol. 57(4). P. 254–264. DOI:10.1037/cap0000064
9. Cuba L., Hummon D.M. A Place to Call Home: Identification with Dwelling, Community, and Region // The Sociological Quarterly. 1993. Vol. 34(1). P. 111–131.
10. Droseltis O., Vignoles V.L. Towards an integrative model of place identification: Dimensionality and predictors of intrapersonal-level place preferences // Journal of Environmental Psychology. 2010. Vol. 30(1). P. 23–34. DOI:10.1016/j.jenvp.2009.05.006
11. Eccleston C.P., Major B.N. Attributions to discrimination and self-esteem: The role of group identification and appraisals // Group Processes and Intergroup Relations. 2006. Vol. 9(2). P. 147–162. DOI:10.1177/1368430206062074
12. Ehala M., Zabrodskaja A. Ethnolinguistic Vitality and Acculturation Orientations of Russian Speakers in Estonia // The Russian Language Outside the Nation. Edinburgh University Press, 2014. P. 166–188. DOI:10.3366/edinburgh/9780748668458.003.0007
13. Fein L.C. Symbolic boundaries and national borders: The construction of an Estonian Russian identity // Nationalities Papers. 2005. Vol. 33(3). P. 333–344. DOI:10.1080/00905990500193196
14. Grant P.K. The protest intentions of skilled immigrants with credentialing problems: A test of a model integrating relative deprivation theory with social identity theory // British Journal of Social Psychology. 2008. Vol. 47(4). P. 687–705. DOI:10.1348/014466607X269829
15. Keeleseadus [Электронный ресурс]. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/13122536> (дата обращения: 18.03.2021).
16. Kodja E., Ryabichenko T. The Relationship Between Social Identities, Acculturation Strategies and the Psychological Well-Being of Young Russians in Latvia and Crimean Tatars in Crimea // NRU Higher School of Economics. Series PSY “Psychology”, 2019. № 111. DOI:10.2139/ssrn.3495090
17. Korts, K., Vihalemm T. Rahvustevahelised suhted, kontaktid ja meie-tunne // Eesti ühiskonna integratsiooni monitoring 2008 / R. Vetik (ed.). Integratsiooni Sihtasutus ja Rahvastikuminstri Büroo, 2008. P. 107–116.
18. Kus L., Liu J., Ward C. Relative deprivation versus system justification: Polemical social representations and identity positioning in a post-Soviet society // European Journal of Social Psychology. 2013. Vol. 43(5). P. 423–437. DOI:10.1002/ejsp.1958
19. Kus L., Ward C., Liu J. Interethnic Factors as Predictors of the Subjective Well-Being of Minority Individuals in a Context of Recent Societal Changes // Political Psychology. 2014. Vol. 35(5). P. 703–719. DOI:10.1111/pops.12038
20. Proshansky H.M., Fabian A.K., Kaminoff R. Place-identity: Physical world socialization of the self // Journal of Environmental Psychology. 1983. Vol. 3(1). P. 57–83. DOI:10.1016/S0272-4944(83)80021-8
21. Schwartz S.J. et al. Perceived context of reception among recent hispanic immigrants: Conceptualization, instrument *i sovremenost'* [Social Sciences and Modernity], 2020. Vol. 3, pp. 124–138. (In Russ.).
4. Ryabichenko T.A., Lebedeva N.M., Plotka I.D. Mnozhestvennye identichnosti, akkul'turatsiya i adaptatsiya russkikh v Latvii i Gruzii [Multiple identities, acculturation and adaptation of Russians in Latvia and Georgia]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2019. Vol. 15, no. 2, pp. 54–64. DOI:10.17759/chp.2019150206. (In Russ.).
5. Simonyan R.Kh. Novyi baltiiskii subetnos — «evrorusskie» [New Baltic subethnos — “Euro-Russians”]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of power], 2004. Vol. 2, pp. 59–76. (In Russ.).
6. Tishkov V.A., Stepanov V.V. Evropeiskie men'shinstva i politizirovannye mify v baltiiskom kontekste [European minorities and politicized myths in the Baltic context]. In V.V. Poleshchuk, V. V. Stepanov (eds.) *Etnicheskaya politika v stranakh Baltii* [Ethnic policy in the Baltic countries]. Moscow. Publ. Nauka, 2013, pp. 9–23. (In Russ.).
7. Furman D., Zadorozhnyuk E. Prityazhenie Baltii. Baltiiskie russkie i baltiiskie kul'tury [The attraction of the Baltic. Baltic Russian and Baltic cultures]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [World of Russia. Sociology. Ethnology.], 2004. Vol. 3, pp. 98–130. (In Russ.).
8. Berry J.W., Hou F. Immigrant acculturation and wellbeing in Canada. *Canadian Psychology*, 2016. Vol. 57 (4), pp. 254–264. DOI:10.1037/cap0000064
9. Cuba L., Hummon D. M.A Place to Call Home: Identification with Dwelling, Community, and Region. *The Sociological Quarterly*, 1993. Vol. 34 (1), pp. 111–131.
10. Droseltis O., Vignoles V. L. Towards an integrative model of place identification: Dimensionality and predictors of intrapersonal-level place preferences. *Journal of Environmental Psychology*, 2010. Vol. 30 (1), pp. 23–34. DOI:10.1016/j.jenvp.2009.05.006
11. Eccleston C.P., Major B.N. Attributions to discrimination and self-esteem: The role of group identification and appraisals. *Group Processes and Intergroup Relations*, 2006. Vol. 9 (2), pp. 147–162. DOI:10.1177/1368430206062074
12. Ehala M., Zabrodskaja A. Ethnolinguistic Vitality and Acculturation Orientations of Russian Speakers in Estonia. The Russian Language Outside the Nation. Edinburgh University Press, 2014. pp. 166–188. DOI: <https://doi.org/10.3366/edinburgh/9780748668458.003.0007>
13. Fein L.C. Symbolic boundaries and national borders: The construction of an Estonian Russian identity. *Nationalities Papers*, 2005. Vol. 33 (3), pp. 333–344. DOI:10.1080/00905990500193196
14. Grant P.K. The protest intentions of skilled immigrants with credentialing problems: A test of a model integrating relative deprivation theory with social identity theory. *British Journal of Social Psychology*, 2008. Vol. 47 (4), pp. 687–705. DOI:10.1348/014466607X269829
15. Keeleseadus. Available at: <https://www.riigiteataja.ee/akt/13122536> (Accessed 18.03.2021).
16. Kodja E., Ryabichenko T. The Relationship Between Social Identities, Acculturation Strategies and the Psychological Well-Being of Young Russians in Latvia and Crimean Tatars in Crimea. *NRU Higher School of Economics. Series PSY “Psychology”*, 2019. no. 111. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3495090>
17. Korts, K., Vihalemm T. Rahvustevahelised suhted, kontaktid ja meie-tunne. In R. Vetik. (ed.), *Eesti ühiskonna integratsiooni monitoring 2008*. Integratsiooni Sihtasutus ja Rahvastikuminstri Büroo, 2008, pp. 107–116.
18. Kus L., Liu J., Ward C. Relative deprivation versus system justification: Polemical social representations and

development, and preliminary validation // *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*. 2014. Vol. 20(1). P. 1–15. DOI:10.1037/a0033391

22. *Tajfel H., Turner J.C.* The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // *Psychology of Intergroup Relation / S. Worchel, W.G. Austin (eds.)*. Chicago: Hall Publishers, 1986. P. 7–24.

23. *Verkuyten M.* Support for Multiculturalism and Minority Rights: The Role of National Identification and Outgroup Threat // *Social Justice Research*. 2009. Vol. 22. P. 31–52. DOI:10.1007/s11211-008-0087-7

24. *Verkuyten M., Brug P.* Self-esteem and ethnic and national identification among adolescents in the Netherlands // *International Journal of Adolescence and Youth*. 2001. Vol. 9(4). P. 321–343. DOI:10.1080/02673843.2001.9747885

25. *Vetik R.* Ethnic Conflict and Accommodation in Post-Communist Estonia // *Journal of Peace Research*. 1993. Vol. 30(4). P. 271–280.

26. *Vetik R.* Statelessness, citizenship and belonging in Estonia // Paper presented at ECPR General Conference, Reykjavik. 2011.

27. *Vihalemm T., Masso A.* (Re) construction of collective identities after the dissolution of the Soviet Union: The case of Estonia // *Nationalities Papers*. 2007. Vol. 35(1). P. 71–91. DOI:10.1080/00905990601124496

28. *Vihalemm T., Masso A.* The formation of imagined borders in post-Soviet Estonia: Diaspora or local community? // *Journal of Borderlands Studies*. 2002. Vol. 17(2). P. 35–51. DOI:10.1080/08865655.2002.9695589

29. *Ward C. et al.* How Normative Multiculturalism Relates to Immigrant Well-Being // *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*. 2020. Vol. 26(4). P. 581–591. DOI:10.1037/cdp0000317

identity positioning in a post-Soviet society. *European Journal of Social Psychology*, 2013. Vol. 43 (5), pp. 423–437. DOI:10.1002/ejsp.1958

19. *Kus L., Ward C., Liu J.* Interethnic Factors as Predictors of the Subjective Well-Being of Minority Individuals in a Context of Recent Societal Changes. *Political Psychology*, 2014. Vol. 35 (5), pp. 703–719. DOI:10.1111/pops.12038

20. *Proshansky H.M., Fabian A.K., Kaminoff R.* Place-identity: Physical world socialization of the self. *Journal of Environmental Psychology*. 1983. Vol. 3 (1), pp. 57–83. DOI:10.1016/S0272-4944(83)80021-8

21. *Schwartz S.J. et al.* Perceived context of reception among recent hispanic immigrants: Conceptualization, instrument development, and preliminary validation. *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*, 2014. Vol. 20 (1), pp. 1–15. DOI:10.1037/a0033391

22. *Tajfel H., Turner J. C.* The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. In *S. Worchel, W. G. Austin (eds.) Psychology of Intergroup Relation*. Chicago: Hall Publishers, 1986, pp. 7–24.

23. *Verkuyten M.* Support for Multiculturalism and Minority Rights: The Role of National Identification and Outgroup Threat. *Social Justice Research*, 2009. Vol. 22, pp. 31–52. DOI:10.1007/s11211-008-0087-7

24. *Verkuyten, M., Brug, P.* Self-esteem and ethnic and national identification among adolescents in the Netherlands. *International Journal of Adolescence and Youth*, 2001. Vol. 9 (4), pp. 321–343. DOI:10.1080/02673843.2001.9747885

25. *Vetik R.* Ethnic Conflict and Accommodation in Post-Communist Estonia. *Journal of Peace Research*, 1993. Vol.30(4), pp.271–280. DOI:10.1177/0022343393030003003

26. *Vetik R.* Statelessness, citizenship and belonging in Estonia. Paper presented at ECPR General Conference, Reykjavik 2011.

27. *Vihalemm T., Masso A.* (Re) construction of collective identities after the dissolution of the Soviet Union: The case of Estonia. *Nationalities Papers*, 2007. Vol. 35 (1), pp. 71–91. DOI:10.1080/00905990601124496

28. *Vihalemm T., Masso A.* The formation of imagined borders in post-Soviet Estonia: Diaspora or local community? *Journal of Borderlands Studies*, 2002. Vol. 17 (2), pp. 35–51. DOI:10.1080/08865655.2002.9695589

29. *Ward, C. et al.* How Normative Multiculturalism Relates to Immigrant Well-Being. *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*, Vol. 26 (4), pp. 581–591. DOI:10.1037/cdp0000317

Информация об авторах

Трифоновна Анастасия Валентиновна, аспирант, стажер-исследователь Центра социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8780-7859>, e-mail: avtrifonova@hse.ru

Information about the authors

Anastasia V. Trifonova, PhD Student, Research Intern, Centre for Sociocultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8780-7859>, e-mail: avtrifonova@hse.ru

Получена 18.08.2021

Принята в печать 03.11.2021

Received 18.08.2021

Accepted 03.11.2021